

ГОНЩИК

СЕСИЛИЯ СУАРЕЗ

18+

Сесилия Суарез

Гонщик

<https://litres.ru/73984548>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты сошёл с ума.

— Уже сошёл, так что — он шагнул ко мне, взял за талию и поднял, словно я ничего не весила. Я вскрикнула, когда мои бёдра коснулись горячего капота. Машина гудела, остывая после гонки, и металл подо мной вибрировал.

— Это опасно, — прошептала я, вцепившись в его куртку.

— Ты же хотела опасности? Ты же для этого на гонки пришла, — прорычал он, раздвигая мои колени жестким движением бедра. Я оказалась зажатой между его телом и машиной, и выхода не было. Сердце колотилось где-то в горле.

Он склонился к моему уху, кусая мочку так, что искра прошла до позвоночника.

— Руки на мою шею. Не смей отпускать, — прошептал он.

Я обычная студентка филфака, он — ночной хищник, чемпион подпольных гонок. В подворотне он спас меня от насильников, но теперь не отпускает.

Содержание

Глава 1. Ночь, бензин и неправильные парни	4
Глава 2. Визг шин и чужие руки	12
Глава 3. Забота	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сесилия Суарез

Гонщик

Глава 1. Ночь, бензин и неправильные парни

Запах бензина и жженой резины ударил в нос раньше, чем я поняла, куда мы влипли.

— Лера, это идиотизм, — крикнула я, пытаюсь перекрыть гул басов, от которого вибрировали ребра. — Нас ограбят. Или убьют. Или сначала ограбят, потом убьют.

— Не ной, Марта! — Лера, моя лучшая подруга и главный катализатор всех моих жизненных катастроф, схватила меня за локоть и потащила сквозь толпу. — Ты слишком много пьешь травяной чай, вот в чем проблема.

— Я пью латте.

— Вот именно! — она выхватила у меня из рук пластиковый стаканчик и сунула вместо него холодную банку пива. — Пей. Это «Балтика». Она тебя расслабит.

Я посмотрела на банку с отвращением. Пиво пахло дрожжами и дешевым героизмом. Рядом, в пятнадцати метрах от нас, прямо на асфальте брошенной промзоны, две машины срывались с места, оставляя за собой шлейфы дыма. Толпа

взрела. Кто-то разбил бутылку. Кто-то крикнул «Волк, рви их!»

— Кто такой Волк? — спросила я, делая крошечный глоток пива. Оно оказалось не таким уж мерзким. Холодное, горьковатое, с ноткой отчаяния.

Лера посмотрела на меня как на инопланетянина.

— Ты серьезно? Волк — это Алексей Волконский. Чемпион подпольных гонок уже три года. Его тачка — черный GT-R, выхлопная система стоит как моя и твоя жизнь вместе взятые. Он бог дорог.

— Звучит как диагноз, — пробормотала я.

Я поправила выбившуюся прядь волос (вечно этот пучок разваливается) и поежилась. Ночь была влажной, с промозглым балтийским ветром, который гулял по бетонным коробкам строящегося торгового центра. Кругом — полураздетые девушки в неоновых топах, парни с татуировками на шеях, запах дешевого парфюма и адреналина.

Я чувствовала себя белой вороной в своем оверсайз-свитере цвета мха и потертых джинсах. Лера, напротив, надела короткое платье, приклеила блестки на ресницы и нацепила туфли на шпильке, в которых умудрялась не падать на гравий.

— Почему мы здесь? — спросила я, делая еще глоток.

— Потому что мой бывший сказал, что его друг участвует в заезде, и я должна это видеть. Чтобы страдать красиво, — Лера драматично закатила глаза.

— Твой бывший?

— О, милая, — она похлопала меня по щеке. — Это очень сложно. Лучше смотри.

И я посмотрела.

Площадка освещалась только фарами припаркованных машин и несколькими прожекторами на вышках. В центре, на импровизированной линии старта, стояли два автомобиля. Один — ярко-желтый «Додж», разрисованный молниями. Второй — черный, матовый, почти сливающийся с асфальтом «Ниссан». Он дышал. Я не знаю, как это объяснить, но машина *дышала*. Она низко приседала на пневмоподвеске, и из-под капота доносилось низкое, урчащее рычание.

— Это он, — выдохнула Лера. — Волк.

Из «Ниссана» вышел мужчина.

Я ожидала увидеть качка в кожаной жилетке с цепями. Вместо этого... он был одет в простую черную футболку, обтягивающую широкие плечи, и темные джинсы. Никаких понтов. Рост — я сразу прикинула — под метр девяносто. Волосы темно-русые, растрепанные, падают на лоб. И походка. Такая расслабленная, хищная.

Он не смотрел на толпу. Вообще. Он обошел свою машину, провел ладонью по капоту — медленно, почти ласково — и что-то шепнул водителю «Доджа». Тот побледнел.

Толпа затихла.

Я не заметила, как допила пиво и сжала пустую банку так, что она хрустнула.

— Ну как? — спросила Лера с ехидцей.

— Похож на типичного абыюзера, — соврала я, потому что внутри у меня всё перевернулось. Не от страха. От чего-то горячего и липкого, что разлилось внизу живота. — У него наверняка маленький...

— Не заканчивай фразу, — Лера рассмеялась. — Смотри, сейчас будет старт.

Волк сел за руль. Двигатель взревел так, что у меня заложило уши. Светофор (самодельный, из трех лампочек) зажег красный. Желтый. Зеленый.

Машины сорвались.

Я не успела моргнуть. «Додж» еще держался первые сто метров, а потом «Ниссан» просто... исчез. Он превратился в черную молнию, которая скользнула в правый поворот, не сбавляя скорости, с визгом, от которого кровь застыла в жилах. Дым покрышек застелил всё белым.

Толпа взбесилась. Кто-то кинул вверх кепку. Кто-то зашвистел. Лера орала так, что я оглохла на левое ухо.

— Ты видела?! Видела?! Он сделал это за тринадцать секунд!

— Я ничего не видела, — призналась я. — Я смотрела на его руки на руле.

И это была правда. Я заметила, как его пальцы, длинные такие, сжимают кожаный руль. Как яростно и нежно одновременно. Я представила эти пальцы на своем запястье. И тут же одернула себя.

Остановись, Марта. Ты не героиня таких историй. Ты та, кто приносит кофе и утирает сопли подругам.

Волк вернулся на старт. Он вышел из машины, и толпа расступилась перед ним, как море перед Моисеем. Он молча взял у какого-то парня пачку денег, сунул в карман джинсов, поднял голову.

И посмотрел прямо на меня.

С расстояния в тридцать метров, сквозь сотни людей, дым и мерцание фар — он смотрел на меня. Не на Леру с ее блестящими. Не на девиц в мини юбках. На меня. На серую мышшь с пустой банкой пива в руке и пучком рыжеватых волос на затылке.

У меня пересохло во рту. Я попыталась отвести взгляд, но не смогла. Его глаза — ледяные, серые, как Балтийское море в ноябре — держали меня за горло. Он чуть склонил голову набок, и губы тронула усмешка. Не злая. Любопытная. Такая, будто он увидел странную зверушку в зоопарке и решил: «Эту я заберу домой».

— Лера, — прошептала я, — по-моему, он на нас смотрит.

— На кого? — Лера обернулась. — О, господи. Он смотрит на тебя. Какого хрена, Марта? Я намазала губы блеском с феромонами, а он смотрит на твой свитер с катышками!

— Это не катышки, это дизайнерский... — начала я, но договорить не успела.

Он пошел к нам.

Волк двигался сквозь толпу, и люди шарахались в сторо-

ны. Никто не смел к нему подойти. Он шел, засунув руки в карманы, остановился в метре от меня.

Ростом он накрывал меня с головой. Я уперлась взглядом в его ключицы, где виднелась тонкая серебряная цепочка. Пахло от него не потом и бензином, как от остальных. Пахло кожей, металлом и дорогим одеколоном — цитрусами и дымом. Сердце ухало где-то в горле.

— Ты, — сказал он. Голос низкий, хриплый, как будто он только что проснулся или прокричал всю гонку. — Ты почему не кричала?

Я моргнула.

— Чего?

— Когда я прошел поворот. Все кричали. Ты стояла с открытым ртом. Но звука не было. — Он наклонился ближе, и я почувствовала тепло его тела. — Ты испугалась?

— Я... — мой голос прозвучал как писк мыши. Господи, Марта, соберись. — Я думала о том, как вы будете объяснять полиции, если врежетесь в столб. Это же промзона, а не автодром.

Он замер.

На секунду мне показалось, что он сейчас рассмеется мне в лицо. Но вместо этого его серые глаза сузились, и он медленно, очень медленно, протянул руку и коснулся пряди моих волос, выбившейся из пучка. Намотал на палец. Потянул.

— Ты смешная, — сказал он без улыбки. — Идиотка. Но смешная.

Я стояла будто парализованная. Его палец, грубый, с мозолью на подушечке гладил мой висок. Внизу живота снова вспыхнуло, горячо и влажно. Я хотела отшатнуться, но мое тело предало меня. Я подалась вперед. На миллиметр.

Он заметил это. Усмешка стала шире.

— Как тебя зовут, мышка?

— Марта, — выдохнула я.

— Марта, — повторил он, пробуя на вкус каждый слог. — Красивое имя. Для такой... неправильной.

Лера сбоку издала звук, похожий на сдавленный визг фанатки. Я даже не взглянула на нее. Я вся превратилась в точку соприкосновения его пальца и моего виска.

— А тебя зовут как? Полагаю, Волк это не имя по паспорту, — сказала я с вызовом.

— Алексей, — поправил он. — Волк — это для тех, кто меня боится. А ты пока не боишься. — Он отпустил прядь и сделал шаг назад. Холодный воздух ударил в лицо, и я почти застонала от потери его тепла. — Иди домой, Марта. Здесь не место для девочек, которые пьют чай.

— Я пила пиво! — возмутилась я, поднимая пустую банку.

Он посмотрел на банку, потом на мои глаза, потом — медленно — на мои губы. Я прикусила нижнюю губу, и он проследил за этим движением. Его зрачки расширились.

— Увидимся, — сказал он и развернулся.

Я стояла, как дура, сжимая в руках пустую «Балтику». Во-

круг нас снова гудела толпа, кто-то включил музыку из динамика машины, Лера что-то тараторила мне в ухо про «самого Волка» и «ты ему понравилась, твою мать». А я смотрела на его удаляющуюся спину, на то, как играют мышцы под черной футболкой, и думала только об одном:

Я не хочу домой. Я хочу еще раз увидеть, как он смотрит на меня. Даже если это опасно.

Потому что впервые в жизни опасность пахла не страхом. Она пахла кожей, бензином и обещанием того, что я никогда не пробовала.

— Лера, — сказала я хрипло. — Пошли возьмем еще пива. И расскажи мне всё о нем.

— О, — Лера схватила меня за руку и потащила к палатке с алкоголем, — сейчас ты услышишь такую историю, что твои трусы завяжутся узлом.

— Они уже завязались, — буркнула я себе под нос.

И почему-то мне стало смешно. И страшно. И немного тоскливо, потому что я уже знала: этот человек — катастрофа. А я всегда была той, кто подметает осколки, а не той, кто их создает. Но сегодня ночью, под рев двигателей и визг покрышек я впервые захотела разбить что-нибудь вдребезги.

Глава 2. Визг шин и чужие руки

— Ты хоть понимаешь, что произошло? — Лера трясла меня за плечи так, что мой пучок окончательно развалился, и рыжие пряди полезли в глаза. — К тебе подошёл ВОЛК. Собственной персоной. Он с тобой говорил!

— Он назвал меня идиоткой, — напомнила я, делая новый глоток пива (третья банка, и вкус уже казался вполне сносным). — Это не комплимент.

— Для него это комплимент! — Лера схватила меня за подбородок и повернула моё лицо к свету фар. — Ты посмотри на себя. Веснушки, свитер как мешок для картошки, и ты грызёшь губу, когда нервничаешь. А он смотрел на тебя как на эклер в витрине.

— На кого?

— На сладкий эклер с заварным кремом, Марта! — Лера отпустила меня и трагически вздохнула. — На таких, как ты, женятся короли подполья. А потом сажают в золотую клетку и кормят с ложечки.

— Я не хочу в клетку, — пробормотала я. — И от ложки у меня нервный тик.

Мы стояли у края площадки, откуда был виден весь хаос. Гонка закончилась, но толпа не расходилась. Кто-то обменивался деньгами, кто-то целовался у капота помятой «Хонды», а двое парней показывали друг другу татуировки на би-

цепсах.

— Ладно, — вздохнула Лера, косясь на свой телефон. — Мой бывший зовёт меня в «Макдак». Сказал, что его новый друг хочет со мной познакомиться.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно, — она поцеловала меня в щёку, оставив влажный блестящий след. — Ты доберёшься сама?

— Я не ребёнок, — сказала я, хотя внутри кольнуло. Дорога до общаги через промзону, потом мимо двух гаражей и через тёмный двор. В час ночи.

Лера убежала, сверкая пятками и матерясь от того, что наступила в лужу. Я осталась одна. Пиво кончилось, музыка гремела где-то за спиной, а ветер дул в лицо, пахнувший резиной и свободой.

«Ничего со мной не случится, — подумала я, натягивая оверсайз до самого горла. — Я серая мышь. Убийцы и маньяки охотятся на красивых блондинок в коротких юбках».

Я шла вдоль забора промзоны, по щебёнке, которая хрустела под кроссовками. Издалека доносились голоса, смех, и вдруг — тишина. Полная, ватная тишина, когда уши закладывает.

Я свернула в проулок между двумя бетонными гаражами. Здесь не было фонарей. Только лужи, отражающие бледное небо, и запах сырости. До общаги оставалось минут десять.

— Эй, малышка.

Голос возник из ниоткуда. Я вздрогнула и обернулась.

Двое. Один высокий, в спортивном костюме Adidas, второй коренастый, с бычьей шеей и золотой цепью, которая блеснула в темноте. Они вышли из-за мусорных баков, перегородив проход.

— Поздно гуляешь, — сказал коренастый, скалясь. Зубы кривые, один передний отсутствует. — Не боишься?

— У меня есть перцовый баллончик, — соврала я, хотя у меня был только ключ от двери в кармане. — И я умею громко кричать.

— Покричи, — предложил высокий и шагнул ближе. От него разило дешёвым пивом и чесноком. — Мы любим, когда девки кричат.

Я попятилась. Спина упёрлась в холодный бетон гаража. Сердце колотилось где-то в горле, а ноги стали ватными. Внутри всё сжалось в тугий ком — не от страха даже, а от какого-то злого отчаяния.

Ну вот, Марта. Догулялась. Теперь тебя убьют в грязном переулке, и на утренней паре все подумают, что ты просто прогуляла.

— Парни, — сказала я, пытаюсь, чтобы голос не дрожал. — Я работаю в кофейне у метро. У меня зарплата 20 тысяч. Вы серьёзно думаете, что у меня есть деньги?

— Нас не интересуют деньги, — ухмыльнулся беззубый и смял рукой край моего свитера.

И в этот момент небо раскололось.

Сначала донесся звук — рёв, от которого завибрирова-

ли рёбра. Потом свет — ослепительный, белый, ударивший прямо в лица парней. А потом чёрный монстр на низкой посадке влетел в переулочек и замерл в полуметре от них, почти вжав передним бампером в стену.

«Ниссан». Тот самый.

Дверь открылась, и из неё вышел... он. Волк. Алексей. Чёрная футболка, растрёпанные волосы, острые скулы. Он выглядел так, будто вышел из машины времени, где вечно царит опасность.

— Вы, — сказал он спокойно, почти лениво. — Сейчас уйдёте. Живыми.

— Слышь, Волк, — начал коренастый, выпрямляясь, — это не твоё дело, мы...

Алексей не дал ему договорить. Мой мозг не успел зафиксировать движение — он просто шагнул вперёд, схватил парня за капюшон и швырнул в стену. Головой. Глухой удар, и коренастый осел в лужу, не издав ни звука. Второй, высокий, попытался бежать, но Волк настиг его в два прыжка, схватил за шиворот и прижал лицом к капоту своей машины.

— Ещё раз увижу кого-то рядом с ней, — прошептал он, наклоняясь к уху парня, — я не просто ударю. Я разберу твою чёртову тушу на запчасти, понял?

— П-понял, — заикаясь, выдавил тот.

— Вали.

Парень исчез, волоча за собой бессознательного товарища. Тишина сгустилась, только урчал двигатель «Ниссана»

да капало что-то с крыши гаража.

Я стояла, прижавшись спиной к стене. Колени дрожали. В горле застрял ком.

Алексей повернулся ко мне. Фары машины светили сзади, и его лицо было в тени — только глаза горели двумя серыми льдинками.

— Ты как, мышка? — спросил он. Без издёвки. Просто и хрипло.

— Я... — голос сел. Я прочистила горло. — Я в порядке. У меня есть ключи, и я могла бы... — я осеклась, потому что он вдруг рванул ко мне.

Он не бежал — он прыгнул. В два шага преодолел расстояние, упёрся руками в стену по обе стороны от моей головы и навис сверху так, что мне пришлось задрать лицо, чтобы видеть его глаза.

— Зачем ты пошла одна? — прошипел он. — Зачем, Марта?

— Лера уехала в «Макдак», — пискнула я.

— А ты? Ты что, не могла с ней?

— Она знакомилась с другом своего бывшего, — сказала я, и вдруг мне стало смешно. От нервов, наверное. Я хохотнула. — Это звучит как начало плохого анекдота.

— Ты идиотка, — выдохнул он. — Настоящая идиотка.

— Ты уже говорил.

— Повторю. — Он наклонился ниже, и я почувствовала запах его кожи — бензин, металл, что-то свежее, как мороз-

ный воздух. — Идиотка с веснушками и дурацким свитером.

— Свитер дизайнерский, — буркнула я, глядя на его губы. Они были близко. Очень близко.

Он усмехнулся — одними уголками губ — и вдруг убрал правую руку от стены. Я думала, он отступит. Но он положил ладонь мне на затылок, запустил пальцы в мои рассыпавшиеся волосы и... ничего не сделал. Просто держал. Сжимал. Сильно, до лёгкой боли.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Холодно.

— Врёшь.

Он провёл большим пальцем по моей шее — от уха до ключицы. Медленно. Так медленно, что я перестала дышать. Кожа горела под его прикосновением, и внизу живота снова разлилось то сладкое, горячее, пульсирующее. Я прикусила губу, чтобы не застонать.

«Господи, Марта, что с тобой не так? Тебя только что чуть не изнасиловали, а ты...»

— Ты вся горишь, — прошептал он, и его голос стал ниже, почти животным. — Чувствуешь? Я беру тебя за шею, а ты не отталкиваешь.

— Я в шоке, — выдавила я. — Это инстинкт замирания.

— Нет, — сказал он и чуть сильнее сжал пальцы на моём затылке, запрокидывая мою голову. Теперь я смотрела прямо в его глаза — серые, с тёмными кругами зрачков, безумные. — Это не шок. Это желание.

Я открыла рот, чтобы сказать что-то остроумное и уничижающее, но он не дал. Он не поцеловал меня — он втянул воздух у моей щеки, провёл носом по скуле, вдохнул мой запах. И выдохнул горячо, влажно, прямо в уголок губ.

— Я хочу тебя, — сказал он, и эти слова ударили сильнее, чем любой поцелуй. — Прямо сейчас. Прислонить к этой стене и трахать, пока ты не забудешь своё имя.

Его рука скользнула с затылка вниз, по позвоночнику, до поясницы. Пальцы вцепились в ткань свитера, притягивая меня к нему. Мои бёдра упёрлись в его бёдра, и я почувствовала... всё. Каждое твёрдое, горячее доказательство того, что он не шутит.

— Боишься? — спросил он, утыкаясь лбом в мой лоб.

— До усрачки, — честно сказала я.

— А хочешь?

Господи, какая же я дура. Потому что я хотела. Я хотела, чтобы он продолжил. Чтобы разорвал на мне этот дурацкий свитер, чтобы его грубые руки... Но что-то внутри — не страх, а остатки здравого смысла — заставило меня прошептать:

— Я не сплю с незнакомцами в переулках.

Он замер. На секунду. Потом его губы дрогнули в странной усмешке — не злой, а какой-то... обречённой, что ли.

— Умная девочка, — сказал он тихо и сделал шаг назад. Холодный воздух ворвался между нами, и я чуть не застонала от потери его тепла. — Тогда так. Я подвезу тебя до дома.

На этом я настаиваю.

— Я могу вызвать такси...

— Здесь не ловит, — он поднял бровь.

Я взглянула на телефон. Сети не было.

— Откуда ты...

— Я наблюдательный, — перебил он и открыл передо мной дверцу своей черной машины. — Садись. Ничего не предлагаю, кроме безопасной дороги до твоего порога. Честное слово.

— Честное слово гонщика? — я вжалась в стену. — Это вообще законно?

— Марта, — он устало вздохнул, и вдруг его лицо стало почти уставшим, без маски хищника. — Я только что вытащил тебя из лап двух придурков. Не для того, чтобы делать гадости самому. Просто сядь. Пожалуйста.

«Пожалуйста» от человека, который выглядел так, будто не произносил этого слова лет десять. Это сработало.

Я села.

Машина пахла кожей, бензином и им — горьковатым цитрусом, смешанным с металлом. Я утонула в мягком кресле, сжимая дверную ручку. Двигатель урчал где-то под полом, и вся машина вибрировала, как живое существо.

Он сел за руль, не глядя на меня. И вдруг его правая рука легла на подголовник моего сиденья, когда он повернулся, чтобы сдать назад. Его пальцы оказались в сантиметре от моей щеки. Я чувствовала тепло его запястья, видела тонкую

синюю вену под кожей.

— Дыши, — сказал он, не глядя. — А то зелёной станешь.

— Я всегда такая бледная, — выдавила я.

— Это не бледность. Это ты не дышишь. — Он нажал на газ, и «Ниссан» мягко выкатился из переулка. — Вдохни, Марта.

Я послушалась. Глубокий вдох, и его запах заполнил лёгкие. Голова закружилась.

— Куда ехать? — спросил он, сворачивая на пустынную улицу. Фонари размазывались в оранжевые полосы за окном.

— Общега на Московском проспекте. У парка.

— Серьёзно? — он бросил на меня короткий взгляд. — Живёшь в общегае?

— Что? Я студентка, — пожала я плечами. — Филфак.

— Филфак, — повторил он с таким видом, будто я сказала «колдую по ночам с вурдалаками». — И ты пошла на гонки?

— Лера потащила. Сказала, что её бывший дружит с каким-то парнем, и ей нужно страдать красиво.

Он издал звук, похожий на сдавленный смех.

— У тебя интересные друзья.

— Ты не представляешь, — вздохнула я.

Дальше мы ехали молча. Но это было не неловкое молчание, а какое-то... звенящее. Я чувствовала каждое его движение: как он переключает скорости, как пальцы барабанят по рулю на светофоре, как он наклоняет голову, чтобы посмотреть в зеркало заднего вида. В полумраке салона его про-

филь казался вырезанным из тени — острые скулы, впалые щёки, лёгкая небритость.

— Ты всегда так смотришь? — спросил он, не поворачиваясь.

— Как?

— С интересом.

Я отвернулась к окну, чувствуя, как щёки заливают краской. Спасибо темноте, что скрывает мои веснушки.

— А ты всегда спасаешь девушек в переулках?

— Нет, — сказал он просто. — Ты первая.

— Почему?

Он промолчал. Но его челюсть напряглась, и пальцы сильнее сжали руль.

Мы подъехали к общежитию — серой девятиэтажке с облупившейся штукатуркой и вечно сломанным домофоном. У подъезда горела одна лампочка, и та моргала.

— Приехали, — сказал он, глуша двигатель.

Я потянулась к ручке двери, но он опередил. Вышел из машины, обошёл капот и открыл мою дверцу снаружи.

— Я сама могла, — пробормотала я, выбираясь на холодный асфальт.

— Могла, — согласился он и вдруг накинул мне на плечи свою куртку. Чёрную, кожаную, ещё тёплую от его тела. — Тебе идти через двор. Там дует.

— А ты?

— А я не замёрзну, — он кивнул в сторону подъезда. —

Идём. Провожу до двери.

— Не нужно, я...

— Марта. — Он остановил меня, положив ладонь на моё плечо поверх куртки. Легко, почти невесомо, но я замерла. — Ты только что тряслась от страха. Дай мне хотя бы довести тебя до лифта.

Я сдалась.

Мы прошли через тёмный двор, между припаркованными «Жигулями» и бетонными плитами. Он шёл сзади, чуть справа, и я слышала его дыхание. Ровное, спокойное. Шаги почти бесшумные — привычка хищника.

У подъезда он остановился. Я открыла скрипучую дверь, вошла в темноту и обернулась.

Он стоял на пороге, освещенный моргающей лампочкой. Свет падал на его лицо, выхватывая то резкие скулы, то впадины под глазами. Без куртки в одной футболке, под холодным ветром, он выглядел и уязвимым, и опасным одновременно.

— Спасибо, — сказала я тихо. — За то, что... в переулке.

— Забудь, — он сунул руки в карманы джинсов. — И больше не ходи одна по промзонам. Даже с подругами.

— А если Лера опять потащит?

— Скажи, что у тебя есть знакомый с машиной, который всегда готов подбросить тебя до дома, — он чуть усмехнулся, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое. — А лучше — попроси меня.

Сердце пропустило удар.

— У меня нет твоего номера.

— Будет, — сказал он и кивнул куда-то в сторону.

Я не поняла, что это значит, но не стала уточнять. Страх прошёл, осталась только странная истома в теле и желание, чтобы он не уходил. Чтобы обнял. Чтобы...

— Иди, — сказал он мягко. — А то я тоже начну думать о том, что мне не нужно.

Я кивнула, шагнула в подъезд и уже взялась за ручку лифта, как вдруг услышала шаги. Он подошёл вплотную — так, что я спиной почувствовала жар его тела. Не касаясь. Просто стоял за моей спиной, и его дыхание шевелило волосы на макушке.

— Ты забыла, — прошептал он, и его рука легла на дверь лифта рядом с моей головой. — Куртку.

Он снял с моих плеч свою куртку, и я осталась в одном свитере. Но мне не было холодно. Кожа горела там, где секунду назад лежала ткань, пропахшая им.

Я повернулась. Мы оказались нос к носу в полуметре. Хватило бы одного движения, чтобы...

— Спокойной ночи, Марта, — сказал он и отступил. Быстро, резко, словно обжёгся.

— Спокойной ночи, — выдохнула я.

Лифт приехал. Я шагнула внутрь, и двери поползли, смыкаясь. В последнюю секунду я увидела его лицо — странное, почти отчаянное. Он что-то прошептал, но я не расслышала.

Двери закрылись.

Я прислонилась к зеркальной стенке, прижала ладони к пылающим щекам и закрыла глаза. Глубоко вдохнула. Внутри всё дрожало — не от страха, от того, что я впервые не хотела уходить.

Пятый этаж. Коридор пахнет капустой и кошачьей мочей (соседская кошка вечно гадит под дверь). Я нащупала в кармане ключи, вставила в замок, повернула...

И замерла.

— Ты забыла.

Голос из темноты за спиной. Я обернулась — он стоял у лестничного пролёта, прислонившись плечом к стене. Футболка чёрная, волосы растрепаны, глаза блестят.

— Как ты поднялся? — выдохнула я. — Я не слышала шагов.

— Я тихий, — он сделал шаг вперёд. Ещё один. Я вжалась спиной в дверь, но он остановился в полуметре, не касаясь. — Ты это уронила в машине. На сиденье.

Он протянул руку. На его ладони лежал мой телефон — старый Xiaomi в поцарапанном силиконовом чехле с котиком. Я выронила его. И даже не заметила.

— Ох, — я моргнула. — Спасибо. Я думала, он в кормане. Он качнул рукой.

— Забирай.

Я протянула свою ладонь. Наши пальцы встретились на холодном корпусе телефона. Я взяла, но он не отпустил.

Просто сжал мои пальцы поверх телефона — крепко, но не больно. И посмотрел на меня.

В коридоре горела только тусклая лампочка над лифтом. Я слышала его дыхание — ровное, спокойное, но какое-то... тяжёлое.

— Алексей, — прошептала я.

— Просто Лёша, — поправил он. И улыбнулся. Не хищно, не насмешливо. По-другому. Мягко, почти устало. — Отдаю телефон. Ничего не прошу взамен.

— Ты уже поднялся на пятый этаж, — сказала я, и голос дрогнул. — Это немного много для «ничего не прошу».

— Много, — согласился он. — Но я хочу кое-что проверить.

— Что?

Он не ответил. Вместо этого медленно, очень медленно, поднял свободную руку и прикоснулся пальцами к моему подбородку. Не сжал, не запрокинул — просто приподнял, заставляя смотреть в глаза.

— Закрой глаза, — сказал он тихо.

— Зачем?

— Потому что если будешь смотреть, я не смогу быть нежным.

Это прозвучало так странно — из уст человека, который час назад швырял ублюдка головой в стену, — что я не нашла сил послушаться. Закрыла глаза.

Тишина. Только его дыхание и мой пульс в ушах.

Потом я почувствовала его губы.

Они были сухими и горячими. Он коснулся уголка моих губ — едва-едва, как бы пробуя на вкус. Я не шевелилась. Тогда он поцеловал меня по-настоящему: медленно, сладко, вкладывая в это движение всю ту нежность, которую прятал за маской хищника.

Это не было похоже на все другие поцелуи в моей жизни. Волк целовал так, словно я была чем-то хрупким и бесконечно ценным. Его губы скользили по моим, ласкали нижнюю губу, и я почувствовала вкус ментола и что-то терпкое, мужское.

Мои пальцы разжались. Телефон звякнул об пол, но я не обратила внимания. Я вцепилась в его футболку у ворота, притягивая ближе. Он не ускорился. Он продолжал целовать меня вкрадчиво, глубоко, и от этой медлительности у меня подкашивались колени.

Его рука скользнула с подбородка на затылок, перебирая волосы, выбившиеся из пучка. Не сжимала — гладила. Большим пальцем он провёл по моей скуле, стирая что-то невидимое.

Я вздохнула в его губы — и он, наконец, отстранился.

Медленно. Нехотя. Открыл глаза — серые, но теперь почти чёрные в полутьме.

— Теперь знаю, — сказал он хрипло.

— Что? — прошептала я, чувствуя, как горят губы.

— На вкус ты как карамель. Солёная карамель. Сладкая

и немного горькая одновременно, — он поднял с пола мой телефон и вложил в мои онемевшие пальцы. — Спокойной ночи, Марта.

И ушёл. Быстро, бесшумно, как тень. Только скрипнула лестничная дверь через пролёт.

Я стояла, прижимая телефон к груди, и чувствовала, как дрожат губы. Там, где он целовал, осталось ощущение — лёгкое, приятное, невозможное.

— Господи, — прошептала я в пустоту. — Что это было?

Телефон ожил. Смс с незнакомого номера: «Носи телефон в руках, а не в кармане, мышка. Как-нибудь я приглашу тебя на завтрак».

Я засмеялась. Или всхлипнула. Или и то, и другое.

Потому что внутри меня только что что-то перевернулось навсегда, и старой Марты больше не существовало.

Я улыбнулась и набрала в ответ: «Я пью только латте. И ем круассаны с шоколадом. Учти».

Ответ пришёл через три секунды: «Учёл. Сладкая ты моя».

Я зашла в комнату, рухнула на кровать и уткнулась лицом в подушку, чтобы не разбудить соседку.

И впервые за долгое время заснула с улыбкой.

Глава 3. Забота

Утром я проснулась с ощущением, что кто-то пересадил моё сердце в горло и забыл закрепить его как следует.

Вчерашняя ночь не выходила из головы. Серые глаза, запах бензина и кожи, его дыхание на моей макушке... Я переворачивалась с боку на бок, сжимала подушку и шептала в темноту: «Это ничего не значит. Просто случайность. Герои спасают девушек, это их работа».

В семь утра я сдалась. Встала, собрала волосы в привычный хвост, нацепила серый свитер с вытянутыми манжетами — и побрела на кухню общаги варить кофе.

Запах растворимого «Якобса» и сырости ударил в нос. Соседка с третьего этажа, тётя Зина, уже мыла полы и косилась на меня как на привидение.

— Опять вчера поздно вернулась, Марта? — спросила она, выжимая тряпку. — Хоть бы раз парня привела, чем эти твои книжки читать.

— В моей жизни нет парней, тётя Зин, — вздохнула я.

— А Рома? — она поджала губы. — Он же к тебе ходит. Тонкий, как жердь, но парень хороший. Не пьёт, не курит.

Я чуть не поперхнулась кофе.

Рома. Точно.

Роман — мой парень. Мы не обсуждали этот статус. Просто так вышло. Он учится на курс старше, тоже филфак, пи-

шет скучные стихи про увядающие клёны и носит бесячие очки в толстой оправе. Мы вместе около года. Я даже позволила ему остаться у меня однажды — из жалости, из любопытства, из того, что мне было двадцать и казалось, что пора.

Это был неудачный секс. Он нервничал, вспотел, трижды спросил «тебе удобно?», а потом всё закончилось через минуту, и он долго извинялся и гладил меня по голове, как больную собачку.

Я не чувствовала ничего. Ни боли, ни удовольствия, ни даже разочарования. Просто «ну, бывает».

И с тех пор мы как-то автоматически стали вместе. Он называл меня «моя Марта», таскал на лекции, поправлял мою грамматику и каждое утро писал смс: «Доброе утро, котёнок. Выспалась?»

Сегодня в смс было: «Встретимся у главного входа. Надо поговорить».

Я вздохнула и надела кроссовки.

Университет встречал меня запахом хлорки, сладких пирожков и вековой тоски. Коридоры гудели — первокурсницы в одинаковых чёрных лосинах, второкурсники с красными от недосыпа глазами, вечные очереди в буфет.

Рома ждал на скамейке у входа. Он сидел, поджавшись, в своём бежевом кардигане (я называла его «кардиган деда»), и листал конспект. Увидел меня — вскочил.

— Марта! — он схватил меня за локоть. — Ты где была вчера?

— На гонках, — сказала я честно.

— На каких гонках? — его лицо вытянулось. — Это опасно! Там же пьют, дерутся, эти... стритрейсеры — преступники почти!

— Лера позвала, — я пожала плечами. — Я пила пиво. Никто не дрался.

— А что это за синяк на ключице?

Я опустила взгляд. На коже, прямо у ворота свитера, темнело розоватое пятно. Отпечаток его пальца. Вчера, когда он прижал меня к стене гаража, наверное, слишком сильно сжал.

— Это я... зацепилась, — соврала я. — О дверь машины.

— Чьей машины? — Рома нахмурился, и его очки сползли на нос. Он их поправил — привычное движение, от которого меня всегда передёргивало. — Ты ездила с кем-то?

— С Лерой, — снова соврала я. — На такси.

— Ты какая-то странная сегодня, — он взял меня за руку и поцеловал в щёку. Мокро, холодно. — Я волновался. Не ходи туда больше, ладно?

В голову ворвался другой голос: низкий, хриплый, на грани шепота. «Ты как, мышка?»

— Ладно, — сказала я, потому что Рома ждал.

Мы пошли на первую пару — историю зарубежной литературы. Я сидела, смотрела в окно на мокрые ветки клёна и не слушала профессора. Вместо этого я сравнивала.

Когда Рома целовал меня, я отворачивалась, потому что

он дышал в нос и всегда облизывал губы перед поцелуем. Волк поцеловал меня так, что я забыла обо всем на свете.

Рома держал за руку — его ладонь была влажной и мягкой, как полотенце после душа. Волк сжал мой затылок — сильно, почти грубо, и у меня подогнулись колени.

Рома говорил «ты удобно лежишь?» — Волк даже ничего не говорил, а я уже чуть не задохнулась от желания.

— Марта, — Рома толкнул меня локтем. — Ты спишь?

— Нет, — я встрепенулась. — Слушаю.

— Что мы сейчас обсуждаем?

— Флобера, — наугад сказала я.

Профессор посмотрел на меня с сожалением. Мы обсуждали Дюма.

После второй пары я выдохнула. Мы вышли на крыльцо университета — Рома, я и полпотока. Осеннее солнце слепило глаза, ветер трепал плакаты с расписанием.

А у входа, прямо на газоне (который запрещено топтать), стояла чёрная машина. Низкая, широкая, с рычащим двигателем, от которого вздрагивали стёкла в окнах первого этажа.

«Ниссан». Его «Ниссан».

Сердце ухнуло в пятки.

Волк сидел на капоте, скрестив руки на груди. На нём была чёрная футболка, джинсы и странная полуулыбка — словно он знал что-то, чего не знали мы все. Его волосы растрепал ветер, и он не поправлял их. Просто смотрел на входную

дверь. Ждал.

Поток замер. Девочки-первокурсницы зашептались. Парни засвистели.

— Охренеть, — сказал кто-то за спиной. — Это же Волк! Тот самый! Его тачка — двести лошадей под капотом!

— Триста, — поправил другой голос. — Или четыреста. Он сам её тюнинговал.

— Чего он тут забыл?

Я вцепилась в ляжку рюкзака так, что побелели костяшки. Рядом Рома замер, выпучив глаза.

— Это... это же чемпион стритрейсинга! — Рома снял очки, протёр их и снова надел. — Я читал про него в интернете! Он на прошлой неделе обогнал самого...

— Рома, — перебила я.

— ...Димону Кривому, а это легенда в своём...

— Рома!

— Что?

Я не знала, что делать. Волк уже заметил меня. Его серые, ледяные глаза остановились на моём лице, и в них промелькнуло что-то тёплое. Он чуть наклонил голову, и от одного этого жеста у меня внутри всё перевернулось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.